

УГРОЗА С ЮГА

С продолжением Ливонской войны международное положение России все более осложнялось и запутывалось. Попытка царя осенью 1567 года решительным ударом изменить ход войны в свою пользу закончилась безрезультатно. Не удалось осуществить и планы русско-шведского союза. После завершения русско-шведских переговоров в Александровой слободе в Швецию выехало посольство во главе с боярином Иваном Михайловичем Воронцовым. Послы должны были добиться ратификации Эриком XIV договора о союзе и доставить в Россию сестру Сигизмунда II королевну Екатерину. Добравшись летом 1567 года до Стокгольма, послы оказались там в сложном положении. Уже на приеме послов 27 июля короля «изымал оморок», а потом дело долго не доходило до переговоров, так как король стал «не сам у себя своею персоною». К этому времени отношения Эрика XIV со шведской аристократией обострились. Несколько вельмож, обвиненных в государственной измене, были убиты незадолго до приезда русских послов. Длительным приступом безумия короля сумели воспользоваться его противники, освободившие из тюрьмы его брата, герцога Юхана. Хотя к весне 1568 года Эрик XIV выздоровел и вернулся к исполнению своих обязанностей, в стране фактически установилось двоевластие и начался постепенный переход шведского дворянства на сторону Юхана. В этих условиях члены шведского правительства — государственного Совета стали выступать против заключения договора с Россией, предлагая королю примириться с братом. Король был готов выполнить договор после расправы с оппозицией и казни брата, но в сентябре 1568 года, когда войска Юхана подошли к Стокгольму, город открыл им ворота и Эрик XIV был низложен. Во время переворота русские послы были ограблены. Одного из организаторов переворота, младшего брата Юхана и Эрика, герцога Карла, они встречали в одних рубашках. На шведском троне оказался новый правитель, зять Сигизмунда II Августа и муж той самой королевны Екатерины, выдачи которой так настойчиво добивался Иван IV.

Произошедшие события, несомненно, лишний раз показали царю, насколько бдительным надлежит быть в борьбе с «изменой» и какие серьезные меры следует предпринимать для обеспечения своей безопасности. Вместе с тем было очевидно, что на планах союза со Швецией можно поставить крест. Когда осенью 1569 года от нового шведского короля прибыли послы для установления отношений между ним и Иваном IV, царь приказал их ограбить, как русских послов в Стокгольме, и сослать в Муром.

Наконец, в том же 1569 году произошло еще одно событие, неблагоприятно отразившееся на международных позициях России. 1 июля в Люблине было заключено соглашение об объединении Польши и Великого княжества Литовского в одно государство — Речь Поспо-

литую двух народов. Это означало, что в случае возобновления войны с Великим княжеством Литовским в нее вступят все военные силы Польши. Попытки решения балтийского вопроса в прямой конфронтации с этим государством теряли смысл. Со своей стороны Великое княжество Литовское, тяжело страдавшее от длительной войны и морового поветрия, желало мира. В итоге в начале июля 1570 года в Москве был заключен договор о трехлетнем перемирии между Россией и Речью Посполитой. Хотя по этому договору земли в Ливонии (в частности, в нижнем течении Западной Двины), занятые литовскими войсками, оставались на время действия договора за Речью Посполитой, русские власти получали запас времени, чтобы попытаться подчинить себе всю остальную Ливонию с ее главными портами — Таллином (Ревелем), находившимся под властью шведов, и Ригой, фактически превратившейся в 60-е годы XVI века в самостоятельную республику.

За прошедшие годы все более ясно становилось, что для русского правительства, не имевшего собственного флота, установление контроля над этими портами является наиболее трудно разрешимой задачей. Постепенно в Москве стали склоняться к тому, чтобы добиваться их подчинения мирным путем.

Первый важный шаг в этом направлении был предпринят в апреле 1569 года, когда советники царя по ливонским делам Иоганн Таубе и Элерт Крузе вступили в переговоры с городскими властями Таллина. Убеждая жителей подчиниться власти царя, Таубе и Крузе доказывали, что под его властью Таллин будет жить на положении свободного имперского города, в нем не будет русских чиновников и его не будут обременять налогами. Государь, заверяли царские эмиссары, «сделает из него такой торговый город, какого не будет на всем Балтийском море». Все, что государь обещает городу, будет скреплено «печатами и удостоверено митрополитом русским и всем духовенством». Поскольку такого рода гарантии, по-видимому, показались жителям Таллина недостаточными, Таубе и Крузе пошли дальше, заявив, что «если ревельцы сочтут нужным, то могут поставить над городом немецкого князя, которого найдут наиболее полезным для себя».

Тогда же, весной 1569 года, при участии Таубе и Крузе был найден и соответствующий князь. Им оказался брат датского короля Фредерика II, герцог Магнус, владелец тех земель в Ливонии, которые Дания сумела захватить во время распада Ливонского ордена. Он должен был стать главой особого государства, созданного в Прибалтике под русским протекторатом, — Ливонского королевства. После долгих переговоров с послами Магнуса в Александровой слободе в ноябре 1569 года были определены условия, на которых Магнус будет управлять этим «королевством», но лишь в июне 1570 года датский принц прибыл в Москву, принес царю вассальную присягу и получил от него грамоту, скрепленную большой золотой печатью, которая

оформляла положение Ливонского королевства как особого политического образования в рамках Русского государства.

Ливонское королевство должно было стать наследственным владением Магнуса и его потомков. Лишь после пресечения его рода преемник мог быть избран ливонскими сословиями. Обязанности ливонского монарха перед царем ограничивались тем, что для участия в военных походах русской армии он должен был выставять 1500 всадников и 1500 пехотинцев. Содержание этого войска в походе брала на себя русская сторона, и само это войско Магнус должен был выставать лишь в том случае, если царь будет лично участвовать в походе. Населению Ливонии гарантировались его традиционные сословные права и сохранение лютеранской религии. Купцам ливонских городов (прежде всего Риги и Таллина) предоставлялось право свободной и беспошлинной торговли на всей территории Русского государства. Таким образом, новое политическое образование должно было обладать весьма широкой автономией, на его территории не предполагалось иметь ни русских чиновников, ни сборщиков налогов в царскую казну.

Что же выигрывало русское правительство от создания такого государства? Ответ на этот вопрос дает пункт жалованной грамоты, по которому на жителей Ливонии налагалось обязательство свободно пропускать в Россию всех купцов с товарами и мастеров-ремесленников, направлявшихся через Ливонию. Содержание этого важного документа проливает дополнительный свет на те цели, ради которых Россия в конце 50-х годов XVI века вступила в войну с Ливонским орденом. Становится очевидно, что главной целью русской внешней политики было в данном случае не приобретение земель или стратегически важных пунктов, а установление свободного и непосредственного обмена со странами Западной Европы. Ради достижения этой цели русская власть была готова идти на далеко идущие уступки ливонским горожанам и рыцарству.

С какими именами в окружении царя следует связывать этот поворот в русской внешней политике? На первый взгляд, следует говорить прежде всего о ливонских советниках Таубе и Крузе, которые и вели от имени Ивана IV переговоры и с Таллином, и с Магнусом. Однако надо учитывать, что сама идея превращения Ливонии в государство под русским протекторатом появилась еще в конце 50-х годов XVI века, когда Таубе и Крузе сидели в русской тюрьме. Тогда эта идея родилась при непосредственном участии Адашева и Висковатого. В 1569 году, когда этот план активно реализовывался, Адашев был давно мертв, но Иван Михайлович Висковатый продолжал оставаться одним из главных руководителей русской внешней политики. В плане создания Ливонского королевства следует видеть один из последних замыслов многоопытного политика, вступивший в стадию практической реализации уже после его трагической смерти.

Однако от кого бы ни исходил этот план, он получил одобрение царя, а это характеризует Ивана IV как гибкого политика, способного и готового идти на уступки ради достижения важной цели. Царь не только одобрил план, но и активно старался способствовать его осуществлению. Именно в эти годы он охотно заявлял, что сам по происхождению — немец, что немцев как народ он ставит выше своих русских подданных, что он желает мира и дружбы с немецкими государями и хотел бы выдать двух своих сыновей за немецких принцесс. Царь даже намекал, что, может быть, сделает Магнуса своим наследником. Он приказал освободить из московских тюрем всех немецких пленных и разрешил вернуться в Юрьев (Тарту) выселенным оттуда в 1565 году немецким горожанам.

Прибывший в Москву в июне 1570 года Магнус был обручен с племянницей царя Евфимией, дочерью недавно казненного Владимира Андреевича. В приданое за ней было обещано пять бочек золота. Магнуса и его свиту осыпали щедрыми дарами, среди которых имелись золотые и серебряные кубки, лошади редких пород, меха и драгоценные шелковые ткани.

Была весьма важная причина для того, чтобы при выборе «немецкого князя» для управления Ливонией остановиться на особе датского принца. Ливонское королевство, положение которого определяла жалованная грамота царя Магнусу, еще предстояло создать. Магнусу была передана часть русских владений в Ливонии, а в дальнейшем в состав его королевства должны были войти ливонские земли, находившиеся под властью Речи Посполитой и Швеции. Даже если бы ливонские горожане и рыцари встали на сторону Магнуса, войска этих государств все равно пришлось бы удалять силой. Поскольку с Речью Посполитой вскоре после приезда «ливонского короля» в Москву было заключено перемирие на три года, Ливонское королевство должно было образоваться прежде всего на землях, которые к 1570 году находились под властью шведов. В своей жалованной грамоте царь обязывался дать Магнусу войско для занятия этих земель, но при этом и царь, и его вассал рассчитывали на помощь со стороны датского короля Фредерика II. Фредерик был не только родным братом Магнуса, но и главой государства, которое в течение долгого времени соперничало со Швецией в борьбе за господство на Балтийском море. Между этими государствами уже в течение ряда лет шла война, которая не прекратилась и с низложением Эрика XIV. В сентябре 1570 года, извещая датского короля о том, что он «посадил Магнуса королем на своей отчине на Вифлянской земле», царь писал ему: «А тебе б, дацкому королю Фредерику, для того нашего царского величества жалованья с нами в единстве быти, против наших литовских и польских и свейских недругов стояти за один и послов своих к нам прислати и с нами о том докончание подкрепить».

В среде ливонского дворянства идея создания Ливонского королевства имела определенный успех. Уже в июне 1570 года Магнус прибыл в Москву в сопровождении отряда ливонских дворян, а затем, когда он выехал в свои ливонские владения, к нему присоединились новые отряды. Но с Таллином дело не пошло так легко. Городские власти упорно отказывались признать Магнуса своим господином и удалить из города шведский гарнизон. Поэтому было решено прибегнуть к силе. 25 июня 1570 года, почти сразу после заключения перемирия с Речью Посполитой, было принято решение о походе Магнуса под Таллин в сопровождении русского войска и «наряда» — артиллерии. 21 августа войска подошли к Таллину, а 2 сентября артиллерия начала обстрел города.

Пока русские войска обстреливали и штурмовали Таллин, Магнус вел переговоры с таллинским магистратом. Он обещал горожанам разнообразные блага и клялся, что если город признает его власть, русские войска не вступят в крепость, город вместе с ним посетят лишь самые знатные из русских военачальников. Возможно, в иной ситуации Магнус и преуспел бы в своих уговорах, но в памяти таллинских горожан еще свежо было такое недавнее событие, как разгром Новгорода. О казнях первых лет опричнины, судя по всему, здесь знали мало и они не привлекли к себе большого внимания. Разгром же Новгорода был событием, происшедшим совсем близко от Таллина, касался хорошо известного таллинским горожанам города, а его очевидцами были многочисленные немецкие купцы, торговавшие в России. Современник событий, таллинский пастор Балтазар Рюссов поместил на страницах своей хроники подробный рассказ об этом событии, местами очень близкий к тому рассказу новгородской повести, о котором говорилось выше. Свой рассказ Рюссов заключил следующими многозначительными словами: «...немцы, бывшие в Москве в то время... сознавались, что если бы неприятель со стотысячным войском пробыл в России, воюя целый год, то немыслимо, чтобы он нанес Московиту такие убытки, какие он нарочно наносил сам себе». Таллинские горожане не хотели, чтобы их город постигла судьба Новгорода. Поэтому они стойко отвергали все предложения Магнуса и поливали холодной водой стены крепости, чтобы не позволить осаждавшим на них взобраться.

16 октября войско под Таллином было усилено большим отрядом опричников. «Этот отряд, — записал в своей хронике Рюссов, — гораздо ужаснее и сильнее свирепствовал, чем предыдущие, убивая, грабя и сжигая, они бесчеловечно умертвили много дворян и простого народу».

Когда Магнус, справедливо опасавшийся, что подобные поступки могут помешать успеху переговоров, пожаловался царю, тот приказал отозвать опричников, а командовавших войском воевод, земского боярина Ивана Петровича Яковлева и опричника Василия

Ивановича Умного Колычева, как допустивших оплошность, арестовать и отправить в оковах в Москву. Но все происшедшее было для горожан Таллина дополнительным стимулом к тому, чтобы стойко держаться.

Положение защитников города стало бы критическим, если бы на таллинском рейде появился и поддержал действия русских войск датский флот. Но датский флот не пришел, и шведские суда могли беспрепятственно снабжать Таллин продовольствием и запасами. Более того, именно в то время, когда началась осада Таллина, в сентябре 1570 года начались мирные переговоры между Данией и Швецией, а в декабре между этими государствами был заключен мирный договор. С этого времени на содействие Фредерика II в войне со Швецией нельзя было рассчитывать. 16 марта 1571 года русские войска были вынуждены снять осаду. Царь не исключал, что Магнус может в будущем ему понадобиться. На содержание его войск он выделил часть доходов юрьевского наместничества, но план создания Ливонского королевства пришлось отложить до лучших времен.

Переписка, связанная с попыткой создания Ливонского королевства, позволяет проследить появление некоторых новых черт в русской внешней политике того времени. Именно в 1569—1570 годах через дипломатов Магнуса и датский двор царь стал искать сближения с австрийскими Габсбургами, с которыми Русское государство давно не поддерживало отношений.

Послы Магнуса просили советников датского короля довести до сведения главы австрийских Габсбургов императора Максимилиана II, какая опасность будет угрожать всему христианству, если после смерти Сигизмунда II на польском троне окажется его племянник, вассал турок трансильванский воевода Янош-Жигмунд. Император должен был узнать, что царь не желает лучшего соседа, чем член Австрийского дома на польском троне, и хотел бы заключить с ним союз против врага всего христианства — турок. Все эти заявления лишь отчасти имели своей целью ослабить противодействие со стороны Священной Римской империи планам создания Ливонского королевства. Главное было в том, что в Москве стали задаваться вопросом о поисках союзников для борьбы с опасностью, которая начала серьезно угрожать Русскому государству с юга.

По мере втягивания России в долгую и трудную Ливонскую войну все более ослаблялись позиции, завоеванные на юге к концу 50-х годов XVI века. Уже не могло быть и речи об активном наступлении на Крым, все труднее становилось удерживать в орбите русского влияния Ногайскую орду и оказывать помощь тестю царя — кабардинскому князю Темрюку. Началось брожение среди населения покоренных поволжских татарских ханств; в Крым потянулись посольства, призывавшие хана выслать на Волгу «царевича» с войском. В этих

условиях и в Бахчисарае, и в Стамбуле появились планы вытеснения Русского государства из Поволжья.

Планы эти в обеих столицах были разными. «Дума» крымской знати в декабре 1564 года приняла решение требовать от Ивана IV уступки Казани и Астрахани. В грамоте, посланной ханом Девлет-Гиреем в Москву, прямо указывалось, что для заключения мира с Крымским ханством недостаточно уплаты «поминок», как бы велики они ни были: «мне на тебя, брата своего, вельми гнев есть, большими поминками, многими кунами мысль моя утешена не будет». Прочный мир может быть заключен лишь тогда, когда Казань будет передана ханскому сыну Адил-Гирею, которому султан пожаловал Казань после смерти хана Сафа-Гирея. Выдвижение таких требований ясно показывало, что мир на юге сохранить не удастся и следует готовиться к тяжелой и трудной борьбе с Крымом.

Одновременно в Стамбуле намеревались использовать ослабление Русского государства для утверждения османского влияния на Северном Кавказе и в Прикаспии. Это позволило бы нанести удар по главному сопернику Османской империи Ирану на том направлении, где такого удара не ждали — на Каспийском море. В Стамбуле отдавали себе отчет в том, как долго и трудно пришлось бы прокладывать путь к Каспийскому морю, подчиняя различные народы Северного Кавказа. Отсюда появление в османской столице плана, осуществление которого позволило бы, как здесь думали, быстрее добиться поставленной цели. Уже в 1564 году крымский хан получил из Стамбула приказ готовиться к походу на Астрахань. Орде поручено было сопровождать в походе османский флот. Поднявшись по Дону до Переволоки (места, где Дон и Волга ближе всего подходят друг к другу), османский флот должен был по прорытому здесь каналу перейти на Волгу и по этой реке спуститься вниз к Астрахани. С приходом османского флота «астраханские люди» подняли бы восстание, и оказавшаяся в руках османов Астрахань стала бы опорным пунктом для утверждения османского влияния на Северном Кавказе и базой для нападения османского флота на прикаспийские владения Ирана. Обладая Астраханью, власти в Стамбуле рассчитывали установить также прямые связи с мусульманскими ханствами Средней Азии — своими союзниками в борьбе с Ираном.

Осуществлению этого плана помешала война Османской империи с Габсбургами, в которой приняла участие Крымская орда, но к концу 60-х годов XVI века в Стамбуле вернулись к прежним замыслам. В марте 1568 года хан получил новый приказ султана готовиться к походу на Астрахань, в мае в Крым были доставлены «судовые мастера» для строительства кораблей, в июле в Кафу, центр османских владений в Крыму, прибыл новый наместник Касим-паша, с ним снова приехали кораблестроители, а также «люди, которым под городом подкапываютца».

О приготовлениях к походу и планах османов относительно Астрахани известил царя Ивана не кто иной, как сам крымский хан Девлет-Гирей. Планы османов и крымской знати относительно Астрахани серьезно расходились. Крымскую знать не устраивало превращение Астрахани во владение султана и утверждение прямой османской власти на Северном Кавказе, который в Крыму традиционно рассматривали как сферу своих интересов. Окруженный османскими владениями Крым легко мог утратить ту широкую автономию, которой он пользовался в рамках Османской империи. Ослушаться приказов султана Девлет-Гирей не мог, но поспешил сообщить о них царю Ивану. Пытаясь извлечь для себя максимум выгод из сложившейся ситуации, хан предлагал: если царь согласится «посадить» в Астрахани одного из его сыновей, он убедит султана отказаться от похода на этот город.

Предложения эти не были приняты, но Москва благодаря им сумела правильно оценить размер опасности. Положение складывалось весьма серьезное: царю и его советникам было хорошо известно, что хана и султана побуждают к походу посольства из самого Поволжья. В октябре 1568 года в Крым пришли сообщения, что астраханские татары будут «на Волге приходить на московских людей», а затем прибыло посольство «от Луговых и от Горних людей от всея земли, чтоб за них царь (крымский хан. — *Б.Ф.*) стал и шел бы к Свияжскому городку и к Казани, как, деи, увидят царев шело, и казанские, де, люди от царя и великого князя все отступят». Вызывала серьезные опасения и позиция Ногайской орды. Хотя ногайские мурзы регулярно участвовали в походах русских войск в Ливонию, в Москве было известно, что новый глава Ногайской орды Тинехмат, сменивший умершего в 1563 году Измаила, ведет тайные переговоры о союзе с Крымом. Наконец, незадолго до выступления османских войск, весной 1569 года, наиболее крупные князья на территории современного Северного Дагестана — хан Тюмени и глава кумыков шамхал заявили о своей готовности поддержать армию султана; шамхал даже обещал выдать османам находившегося у него русского посла.

Всю весну 1569 года в Крыму шли приготовления к походу, из Стамбула прибыли корабли с артиллерией и отрядами янычар. Сухопутным путем для участия в походе направилось 15-тысячное конное войско из балканских провинций империи. В Стамбуле были настроены весьма серьезно: если бы вопреки ожиданиям Астрахань сразу занять не удалось, османы намеревались здесь зимовать, поставив рядом с Астраханью свою крепость; вместе с ними должен был зимовать и крымский хан с ордой. В начале июля Касим-паша с османским войском и флотом двинулся из Азова вверх по Дону и к середине августа, не встречая какого-либо сопротивления, дошел до Переволоки, где соединился с крымским ханом. Отсюда Касим-паша по-

спешил сообщить в Стамбул, что задуманный план выполняется успешно. Далее, однако, начались трудности.

Во-первых, оказалось, что вырыть канал и переправить по нему османские суда в Волгу невозможно. Тогда паша приказал делать «волоки и колеса», чтобы перетащить суда «волоком», «и пошли к Волге и шли половину дни и стали волоки и колеса портиться». В измученном бесплодными работами войске начались волнения, турки пришли к паше «с великою бранью»: «И ты то манил, что мочно Дон с Волгою спустити в одно место, и мы нынеча твою ману видели». Хан предложил наместнику вернуться в Азов, и на этом поход бы закончился, но в это время прибыло посольство от астраханских татар: «Каторги (то есть галеры, гребные суда. — *Б.Ф.*) ваши нам не надобе, мы тебе судов привезем, сколько вам надобе». В итоге Касим-паша принял решение идти с войском под Астрахань, вернув в Азов корабли вместе с находящимися на них пушками.

16 сентября Касим-паша и хан подошли к Астрахани и «астороханские люди и со многими суды к ним приехали». Однако овладеть Астраханью не удалось. В Москве своевременно приняли меры к защите крепости. В начале 1569 года в Астрахань был послан новый воевода окольный Долмат Федорович Карпов, очевидно, с подкреплениями. Не имея артиллерии, османы не могли штурмовать город, а русские пушки со стен крепости успешно обстреливали вражеский лагерь. По приказу султана Касим-паша начал строить крепость на «старом городище» под Астраханью, чтобы «зимовать» там. Тем временем к Астрахани подошла на судах русская «плавная рать», которую собрали весной 1569 года, во главе с боярином князем Петром Семеновичем Серебряным Оболенским. «Плавная рать» нанесла удар по тем ногайским и астраханским татарам, которые перешли на сторону султана и снабжали продовольствием османское войско. В итоге турки снова «пришли... на пашю с великою бранью», и 26 сентября осада с Астрахани была снята. Как отмечали русские современники событий, Девлет-Гирей, желая убедить правящие круги в Стамбуле в бесполезности подобных походов, нарочно повел османское войско к Азову «по безводным местом», и значительная часть его погибла, так и не дойдя до этого города.

Астраханский поход закончился полной неудачей, но причиной неудачи были ошибочный план действий османов и разногласия между Бахчисараем и Стамбулом. Русское же войско не нанесло противникам решительного поражения, и угроза с юга продолжала сохраняться.

В следующем году планы похода на Астрахань в Стамбуле были оставлены: началась война с Венецией, и войска и флот потребовались на Средиземном море. Благодаря этому, однако, крымский хан мог приступить к осуществлению собственных планов, направленных против Русского государства. Хан не скрывал своих враждебных

намерений: раз царь не отдает Казани и Астрахани, писал он Ивану IV, «и меж дву нас миру и дружбе как быть». Весной 1570 года хан послал своего сына Адил-Гирея против царского тестя — кабардинского князя Темрюка. В начавшейся войне Темрюк потерпел поражение, был ранен, а двое его сыновей попали в плен к татарам. Эта неудача серьезно ослабила позиции России на Северном Кавказе. Не могло не беспокоить Москву и то, что неудача астраханского похода не привела к ослаблению связей между Крымом и Ногайской ордой: уже зимой 1569/70 года в Бахчисарае снова появились ногайские послы, которые вели переговоры о браке одного из ханских сыновей с дочерью Тинехмата.

Все это заставляло постоянно держать на южной границе по Оке войска, которые были так нужны на ливонском фронте. Здесь стражу от татар несли во главе русской рати первые лица в государстве: Иван Дмитриевич Бельский, Иван Федорович Мстиславский, Михаил Иванович Воротынский. В 1570 году дело ограничилось нападениями крымских царевичей на каширские, рязанские и новосильские места, а весной следующего, 1571 года в поход выступил хан со всей ордой. Хан рассчитывал на успех, так как захваченные пленные сообщали: «На Москве и во всех городех мор и меженина великая, а рать, де, свою всю... государь послал с королем да с Ываном Петровичем Яковля в Немцы».

Весной 1571 года на Оке, как и раньше, стояли войска во главе с Иваном Дмитриевичем Бельским и Иваном Федоровичем Мстиславским. Их должно было усилить опричное войско, которое во главе с самим царем 16 мая 1571 года выступило из «Слободы на берег».

Впоследствии, когда произошли трагические события, поставившие царя в трудное и исключительно опасное положение, по обыкновению был начат розыск изменников. Интересовавшие царя сведения доставил ему из Крыма гонец Севрюк Клавшов, отправленный к Девлет-Гирею в конце лета 1571 года. Оказалось, что хан с ордой, к которой присоединился большой отряд ногайцев, хотел предпринять набег в район Козельска, когда в его лагере появился перебежчик — галицкий сын боярский Башуй Сумароков, призвавший хана к походу на Москву. Затем, на «Злыньском поле», в лагере хана появилась целая группа перебежчиков — детей боярских из разных южных уездов, которые говорили хану, что «на Москве и во всех городех московских по два года была меженина великая и мор... многие люди вымерли, а иных многих людей государь в опале своей побил; а достальные воинские люди и татарове все в Немцах, а государя, де, чают в Серпухов с опришниюю, а людей, де, с ним мало». Все эти сведения соответствовали действительности: страна была разорена голодом, моровым поветрием и опричными казнями, значительная часть войска еще находилась в Ливонии после безуспешной осады Таллина, опричное войско, сопровождавшее царя, было действительно не-

лико и состояло всего из трех полков. Особую активность проявил сын боярский из Белева Кудеяр Тишенков, предложивший проводить татарское войско «через Оку и до Москвы». Видимо, благодаря содействию Кудеяра были найдены броды на верхней Оке в окрестностях Кром, и орда обошла стоявшую на этой реке русскую армию. Перед татарами оказалось лишь опричное войско во главе с самим царем. Однако оно не приняло боя и отступило.

Приказывая гонцу собирать «вести» в Крыму, царь хотел узнать, кто сообщил хану о местонахождении его ставки, как получилось, что многочисленное татарское войско неожиданно оказалось в опасной близости от нее. Вскоре после событий царь жаловался литовскому гонцу Воряпаю, что «мои привели меня на татарское войско, [оно было] в четырех милях, а я о них не знал». О том, что произошло далее, в «Разрядных книгах» сказано кратко и весьма сдержанно: царь «тогда воротился из Серпухова, потому что с людьми собратца не поспел». Более подробно, но столь же сдержанна современная запись, приписка к тексту Никоновской летописи: «Царь и великий князь Иван Васильевич с опричниною в те поры шол из Серпухова в Бронниче село в Коломенском уезде, а из Броннича села мимо Москву в Слободу, а к Москве не пошел, а из Слободы пошел в Ярославль и дошел до Ростова, и тут пришла весть, что Крымский хан пошел прочь». При всей сдержанности записи чувствуется удивление ее автора — царь не поехал в Москву, чтобы готовить столицу к обороне, а уехал на север и увел с собой значительную часть опричного войска: позднее под Москвой опричниками командовал князь Василий Иванович Темкин, который в этом войске ранее занимал не самое заметное место второго воеводы передового полка. Князь Курбский, у которого не было каких-либо причин для такой сдержанности, оценивал происшедшее гораздо более определенно — «бегун пред врагом и храняка (то есть тот, кто хочет сохранить себя. — Б.Ф.) царь великий христиански пред бусурманским волком».

Не вызывает сомнений, что царь испугался, но испугался не татар, а прежде всего собственных подданных. По убеждению царя, он оказался в тяжелой и трудной ситуации благодаря действиям «изменников». Что же могут сделать эти люди, если со своим небольшим войском он вступит в бой с татарами? Уже неоднократно упоминавшийся в нашей книге Джильс Флетчер, собиравший при царе Федоре Ивановиче сведения о недавнем прошлом, так и записал, что царь не посмел вступить в битву, «потому что сомневался в своем дворянстве и военачальниках, будто бы замышлявших выдать его татарам». Этими же опасениями за свою власть диктовалось и решение царя увести с собой опричное войско — если бы оно погибло в бою с татарами, была бы утрачена его главная опора.

Царь, однако, не хуже Курбского знал, что подобное поведение недостойно «великого христианского царя». В конце 1572 года в бе-

седе с литовским гонцом царь сам настойчиво обращался к этой теме и пояснял, что если бы его подданные показали ему хотя бы малые доказательства своей преданности («ко мне хотя бы двух татар привели», «хотя бы мне только бич татарский принесли»), то он «не боялся бы силы татарской». Тем самым царь убеждал не только иностранного дипломата, но и самого себя, что у него были очень веские причины поступать столь неподобающим для его достоинства образом. Гнев царя обращался против «изменников», которые довели его до такого положения. Одного из таких «изменников» удалось найти еще до бегства царя. Им неожиданно оказался царский шурин, князь Михаил Темрюкович.

В особом «опричном» государстве царя Ивана Михаил Темрюкович занимал очень высокое положение. Он стоял во главе опричной Думы и командовал в походах опричным войском, а если в походе участвовал сам царь, то стоял во главе царского полка. Этим высоким положением он был обязан свойству с царем. Выше уже говорилось о том, что в отличие от Анастасии Романовны вторая жена Ивана активно участвовала в его делах. В особенности это касалось отношений с Крымом, ибо Мария Темрюковна была родственницей некоторых представителей татарской знати. Так, знатный мурза Ахмет Сулешев писал царю: «А за тобою, государем нашим, Темиргукова княжая дочь, а она мне сестра, а ты нам зять и государь». Ее двоюродной сестрой была главная жена хана Девлет-Гирея Хансюер, с которой Мария Темрюковна находилась в переписке. Смерть царицы 9 сентября 1569 года не отразилась первоначально на высоком положении царского шурина. Отвечая на соболезнования ханши в связи со смертью жены, царь писал: «И в нашем законе хрестыянском обычаи и по смерти тело разлучаетца, а душа от любви духовного совета не отлучаетца. А мы, памятуя свою царицу и великую княгиню Марию, и по смерти ее скровных ее беречи и жаловати вперед ради есмь». Когда сыновья Темрюка попали в плен к татарам, царь хлопотал об их освобождении: «А у нас чего попросишь, и мы тебе против не постоим». Шлихтинг, покинувший Россию в сентябре 1570 года, сообщал, что царь любит своего шурина и «не пропускает никакого случая оказать ему свое расположение», хотя и позволяет по отношению к нему шутики в духе характерного для него юмора; так, по его приказу к воротам дома князя Михаила привязали пару диких медведей и никто не мог ни выйти из дома, ни войти в него.

Однако в следующем, 1571 году его положение пошатнулось. По сообщению Таубе и Крузе, царь приказал казнить жену князя, дочь боярина Василия Михайловича Юрьева, вместе с малолетним сыном. Весной 1571 года в войске, которое сопровождало царя к Серпухову, Михаил Темрюкович уже не был дворовым воеводой, как раньше, а занимал гораздо более низкий пост первого воеводы передового полка. Тогда-то и распространился слух, который привел

к гибели кабардинского князя. В своих записках Штаден настойчиво утверждает, что в походе хана на Москву принял участие отец Михаила, князь Темрюк, вместе со своими отрядами. Слух этот, судя по всему, был ложным. В 1571—1572 годах сыновья Темрюка по-прежнему находились в плену у хана, а они, конечно, были бы освобождены, если бы Темрюк вступил в союз с Крымским ханством. Происхождение этого слуха объясняется, по-видимому, тем, что Темрюк был не единственным князем Кабарды, у него имелись противники, которых поддерживал крымский хан. Их отряды, вероятно, приняли участие в походе и были приняты за войска Темрюка. Разгневанный «изменой» царь приказал казнить своего шурина. Сообщения об этом Таубе и Крузе, а также Штадена подтверждаются упоминанием в «Синодике опальных» «князя Михаила Темрюковича Черкасского». Позднее выяснилось, что слух об измене Темрюка был неверен. Однако признать, что царский шурин был казнен по ошибке, было нельзя, и поэтому Севрюк Клавшов должен был объяснить в Крыму, что Михаил Темрюкович «ехал из полку в полк и погиб безвестно».

Итак, летом 1571 года, впервые за несколько десятилетий, крымские войска сумели прорвать русскую оборону и двинулись прямо к русской столице, где не было никаких крупных военных сил. После ухода царя с опричным войском на север тяжесть принятия решений пала на плечи земских воевод, стоявших с полками по Оке. Войска двинулись к Москве, чтобы защитить ее от татар, и подошли к столице 23 мая, за день до прихода орды. Хан остановился в царском дворе в селе Коломенском, а его сыновья — в Воробьеве. Под Москвой начались столкновения между татарами и русской ратью. В «Соловецком летописце» отмечено, что командующий русской армией князь Иван Дмитриевич Бельский «выехал против крымского царя и крымских людей за Москву реку забил за болото на луг». Русская армия, опиравшаяся на московские укрепления, оказалась для татар неудобным противником, но крымский хан нашел способ, как избавиться от нее. Как отмечено в краткой и сухой записи «Разрядных книг», «крымский царь посады на Москве зажег и от того огня грех ради наших оба города (Кремль и Китай-город. — Б.Ф.) выгорели, не осталось ни единые храмины, а горело всево три часы». При сильном ветре пламя распространялось быстро. Горели не только деревянные постройки: «во государевых полатах, в Грановитай, и в Проходной, и в Набережной и в ыных полатах прутье железное толстое, что кладено крепости для на свяски, перегорели и переломалися от жару». Взорвались пороховые погреба и «вырвало две стены городовых: у Кремля пониже Фроловского мосту против Троицы, а другую в Китае против Земского двора». Одни люди гибли в огне вместе с пытавшимися грабить город татарами, другие, кто сумел укрыться в каменных церквях и погребах, погибали от удушья. Так задохнулся в погре-

бе на своем дворе сам главнокомандующий, князь Иван Дмитриевич Бельский. Люди искали спасения в кремлевских рвах и Москве-реке и гибли, задавленные в обезумевшей толпе. Трупов было так много, что «Москва река мертвых не пронесла».

На следующий день татарская орда двинулась в обратный путь. Из всех стоявших под Москвой войск преследовать татар оказался способен лишь передовой полк князя Михаила Ивановича Воротынского. Стоявший на «Таганском лугу против Крутицы», он, по-видимому, менее других полков пострадал от пожара. Однако этот сравнительно небольшой отряд не мог помешать татарам разорить Рязанскую землю и увести в Крым огромное количество пленных.

15 июня царь прибыл в сожженную столицу и в подмосковном селе Братошине принял гонцов крымского хана. О переговорах, которые имели там место, сохранилось много рассказов, носящих явные черты полуфольклорного происхождения и расцвеченных яркими деталями, которые, однако, не подтверждаются официальной записью о приеме в книге, составленной в то время в Посольском приказе.

Переговоры оказались для царя тяжелым испытанием. Устами своих посланцев хан требовал передачи ему Казани и Астрахани. Вместо обычных поминков посланец хана вручил царю «нож окован золотом с камнем», что сопровождалось издевательским пояснением: «а были у нас аргамаки, и яз к тебе аргамаки не послал, потому что ныне аргамаки истомны». Еще более вызывающий характер носила ханская грамота. Хан, говорилось в ней, искал встречи с царем, но царь бежал от него, он не смог найти его даже в Москве. «И хотел есми венца твоего и главы, и ты не пришел, и против нас не стал. Да и ты похваляешься, что, де, яз — Московской государь, и было б в тебе срам и дородство, и ты б пришел против нас и стоял». Это грубое, беспрецедентное оскорбление свидетельствовало о том, что хан все не считал войну законченной сожжением Москвы и намерен был продолжать ее до полной победы.

Уже то, что он — великий государь, глава всего православного мира, выслушивал такие оскорбления от «бусурманского пса», было для Ивана IV глубочайшим унижением, забыть и простить которое он никак не мог.

Оскорбление ощущалось тем более сильно, что в сложившейся ситуации царь не мог позволить себе дать достойный ответ на вызывающие заявления хана. Необходимо было делать все, чтобы предотвратить войну или, по крайней мере, отсрочить ее. Поэтому приходилось звать крымских гонцов на обед и одаривать их шубами. Отпуская гонцов 17 июня в Крым, царь заявил: «Мы з братом своим з Девлет-Киреем царем в братстве и дружбе быти хотим и Асторохани для любви брату своему хотим поступитися». В грамоте, отправленной в Крым, царь писал, обращаясь к хану: «А ты б, брат наш, к нам прислал своего посла и с ним к нам приказал, как нам тебе, брату свое-

му, Асторохани поступитись». Русскому послу в Крыму Афанасию Нагому были даны инструкции обсудить с ханом условия, на которых в Астрахани мог бы быть посажен один из ханских сыновей.

Готовность русской стороны обсуждать вопрос об уступке Астрахани показывает, что сложившееся положение в Москве оценивали как очень тяжелое. К потерям, понесенным страной в предшествующие годы от голода и эпидемий, добавилась гибель в московском пожаре почти всего населения столицы. Почти два месяца, до 20 июля, продолжалась очистка улиц и захоронение умерших жителей Москвы. Город пришлось практически заселять заново, принудительно переселяя в него купцов и ремесленников из городов по всей территории России.

Царь не мог не отдавать себе отчета, какой мощный удар по его престижу могущественного христианского государя, покорителя «мусульманских царств» нанесли эти события за пределами страны и в глазах его собственных подданных. Как лицо, избранное самим Богом для утверждения и распространения в мире истинной веры, царь мог требовать от своих подданных беспрекословного повиновения, но не оказывалось ли это право под сомнением, когда сам правитель явно изменял своему назначению?

Все это позволяет объяснить появление на свет одного из наиболее странных документов времени правления Ивана IV — поручных записей по князе Иване Федоровиче Мстиславском, составленных не позднее августа 1571 года. В главном из этих документов знатный вельможа, родственник царя, занявший первое место в земской Думе после смерти Ивана Дмитриевича Бельского, признавался в том, что «изменил, навел есми с моими товарищи безбожного крымского царя Девлет-Гирея»: «моею изменою и моих товарищев крестьянская кровь многая пролита, а крестьянство многое множество погребению не сподобилось». Таким образом, князь признавался в совершении самого тяжкого преступления — предательского сговора с татарами, который привел к массовой гибели населения Москвы. За это, однако, царь всего лишь наложил на Мстиславского свою «опалу», которая затем была с него снята по ходатайству митрополита Кирилла и освященного собора. После этого Иван Федорович Мстиславский был послан наместником в Новгород — город, который, как увидим далее, царь решил сделать своей укрепленной резиденцией на то время, пока страна будет отражать новое татарское нашествие. Все это заставляет согласиться с мнением исследователей, которые довольно единодушно полагали, что никакой «измены» Мстиславский не совершал, а его покаяние было услугой, оказанной царю. Подданные тем самым могли убедиться, что тяжелые несчастья, постигшие страну, произошли по вине одного из первых лиц государства, но не самого царя.

Понятно поэтому, что признания Мстиславского для царя вовсе не исключали необходимости поиска тех действительных изменни-

ков, которые «навели» хана на Москву. Как уже говорилось выше, с этой целью в Крым был отправлен гонец Севрюк Клавшов, который выяснил, что «навели» хана на Москву обездоленные опричным режимом и потому озлобленные дети боярские южных уездов. Но царь не мог поверить, чтобы люди столь низкого общественного положения могли поступить подобным образом, и видел в них лишь орудие в руках недовольной знати. «Брат наш Девлет-Гирей, — говорил он позднее крымскому послу, — сослався с нашими изменники з бояры, да пошел на нашу землю, а бояре наши еще на поле прислали к нему с вестью встречу разбойника Кудеяра Тишенкова».

В беседе с литовским гонцом Воряпаем в конце 1572 года царь объяснял, что изменники «привели его на татарское войско», не вели разведки, не брали языков. «Передо мной, — говорил царь, — пошло семь воевод с многими людьми, и они мне о войске татарском знать не дали». В этих словах нельзя не видеть прямого указания на воевод сторожевого и передового полков опричного войска, которые шли перед царским полком во время похода к Серпухову. Эти слова дают объяснения серии убийств опричных приближенных царя, имевших место летом 1571 года, после возвращения царя в Москву. Так, были казнены один из воевод сторожевого полка в майском походе 1571 года Василий Петрович Яковлев, а также его брат земский боярин Иван Петрович Яковлев, очевидно признанный виновным в неудачной осаде Таллина. По свидетельству Таубе и Крузе, они были забиты насмерть палками. Тогда же был казнен и опричный боярин князь Василий Иванович Темкин, некогда собиравший улики против митрополита Филиппа (он вместе с Михаилом Темрюковичем был воеводой передового полка в майском походе), и некоторые другие приближенные царя, занимавшие высокое положение в его опричном дворе, — кравчий Федор Игнатьевич Салтыков, занявший место Федора Басманова, и думный дворянин и царский ясельничий Петр Васильевич Зайцев. Последнего повесили на воротах его собственного дома.

Итоги 1571 года оказались для Ивана IV плачевными во всех отношениях. Он понес жестокое поражение в борьбе с татарами, подвергся неслыханному унижению со стороны крымского хана. Наконец, его надежды найти покой и безопасность в кругу опричников оказались ложными: в рядах его ближайшего окружения обнаруживались все новые изменники.